

**РЕЧЕВЫЕ АКТЫ УГРОЗЫ КАК СРЕДСТВО ДИРЕКТИВНОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ДИСКУРСЕ
SPEECH ACTS OF THREAT AS A MEANS OF DIRECTIVE INFLUENCE
IN RUSSIAN AND UZBEK DISCOURSE**

Бабакулов Исмаил Туркманович

Доктор филологических наук, профессор кафедры Педагогике и методики преподавания языков Ургутского филиала Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова

E-mail: ismailbabakulov@gmail.com

Тошниёзов Фаррух Ойбек угли

Преподаватель-стажёр кафедры Педагогике и методики преподавания языков Ургутского филиала Самаркандского государственного университета имени Шарофа Рашидова

E-mail: toshniezov93@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются речевые акты угрозы как средство директивного воздействия в русском и узбекском дискурсе. Угроза рассматривается как прагматически сложный речевой акт, направленный на регуляцию поведения адресата. Цель исследования – выявление функционально-прагматических особенностей реализации угрозы в сопоставляемых языках. Материалом послужили примеры из художественного, институционального и повседневного дискурса. Установлено, что в русском дискурсе угроза чаще выражается эксплицитно, тогда как в узбекском преобладают имплицитные и культурно обусловленные формы.

Ключевые слова речевой акт, угроза, директивное воздействие, прагматика, дискурс, сопоставительный анализ, русский язык, узбекский язык.

Abstract. The article examines speech acts of threat as a means of directive influence in Russian and Uzbek discourse. Threat is interpreted as a pragmatically complex speech act aimed at regulating the addressee's behavior. The purpose of the study is to identify functional and pragmatic features of threat realization in the languages under comparison. The analysis is based on examples from literary, institutional, and everyday discourse. The study shows that in Russian discourse threats are more often expressed explicitly, whereas in Uzbek discourse implicit and culturally conditioned forms prevail.

Key words: speech act, threat, directive influence, pragmatics, discourse, comparative analysis, Russian language, Uzbek language.

В современной прагмалингвистике особое внимание уделяется изучению речевых актов, направленных на регулирование поведения адресата. В рамках данного направления речевые акты угрозы занимают особое место, поскольку представляют собой один из наиболее эффективных и социально значимых инструментов директивного воздействия. Угроза используется в различных типах дискурса – повседневном, художественном, институциональном, официально-деловом – и отражает специфику коммуникативных норм, иерархических отношений и культурных ценностей общества. В русском и узбекском дискурсе речевые акты угрозы выполняют сходные коммуникативные функции, однако реализуются посредством различных прагматических стратегий, что обусловлено как структурными особенностями языков, так и лингвокультурными факторами.

Теоретической основой настоящего исследования послужили положения теории речевых актов, разработанной J. L. Austin и получившей дальнейшее развитие в работах John Searle. В рамках данной теории угроза рассматривается как прагматически сложный речевой акт, сочетающий признаки директива и комиссива. С одной стороны, говорящий стремится побудить адресата к определённой действию или отказу от него, с другой – принимает на себя обязательство реализовать негативные последствия в случае невыполнения требования. Именно потенциальная санкция является ключевым компонентом, обеспечивающим директивную силу угрозы и её воздействие на адресата.

Материалом исследования послужили языковые примеры из русского и узбекского художественного, институционального и повседневного дискурса. В процессе анализа применялись методы прагматического, дискурсивного и сопоставительного анализа, что позволило выявить как универсальные закономерности функционирования угрозы, так и национально-специфические особенности её реализации. В русском дискурсе речевые акты угрозы нередко оформляются в эксплицитной форме с использованием условно-следственных конструкций и прямого указания на санкцию. Так, высказывание «Если ты не выполнишь приказ, тебя накажут» представляет собой типичный пример прямой угрозы, в которой ясно обозначены условие и негативное последствие. Аналогичное высказывание в узбекском языке – «Agar buyruqni bajarmasang, jazolanasan» – также относится к эксплицитным угрозам и обладает высокой

степенью директивности. Однако следует подчеркнуть, что в узбекском дискурсе подобные прямые формы угрозы чаще всего употребляются в условиях жёсткой иерархии или официальной коммуникации, например, в административной или военной сфере, тогда как в русском языке они могут активно использоваться и в межличностном общении.

Наряду с эксплицитными угрозами в русском языке широко представлены имплицитные формы, в которых директивное воздействие осуществляется косвенно. Так, высказывание «*Я бы на твоём месте так не поступал*» формально имеет форму совета или рекомендации, однако в определённом контексте оно интерпретируется как угроза, поскольку подразумевает возможность негативных последствий в случае игнорирования данного предупреждения. В узбекском дискурсе аналогичную прагматическую функцию выполняет высказывание «*Yaxshisi, bunday qilmagan ma'qul*» («Лучше так не делать»). В обоих случаях директивная сила угрозы не выражена грамматически, а формируется за счёт контекста, пресуппозиций и статусных отношений между коммуникантами.

Особое место в узбекском дискурсе занимают угрозы, реализуемые через апелляцию к социальным, моральным и этическим нормам. Например, высказывание «*Bu yerda bunday qilish odobdan emas*» («Так поступать здесь не принято») не содержит прямого указания на санкцию, однако обладает значительным директивным потенциалом, поскольку опирается на коллективные представления о должном поведении. В подобных случаях нарушение нормы воспринимается как социально неприемлемое и потенциально влекущее негативные последствия, что усиливает воздействие высказывания. В русском дискурсе сходную функцию выполняет высказывание «*Так здесь не делают*», однако в русском языке подобные конструкции чаще дополняются более прямыми элементами речевого давления.

Интерес представляет также использование неопределённой угрозы, при которой негативные последствия не конкретизируются. В русском дискурсе примером может служить высказывание «*Ты ещё пожалеешь об этом*», в котором санкция не названа, но именно её неопределённость усиливает психологическое воздействие на адресата. В узбекском языке аналогичную функцию выполняет высказывание «*Oqibatini o'zing ko'rasan*» («Сам увидишь последствия»). В обоих языках подобные формы создают эффект тревожного ожидания, однако в узбекском дискурсе они часто интерпретируются через

призму жизненного опыта и коллективных ценностей, что придаёт угрозе дополнительную весомость.

Значительное место в русском и узбекском дискурсе занимают институциональные угрозы, реализуемые в официально-деловой коммуникации. Так, в русском языке типичным примером является высказывание «*В случае повторного нарушения к вам будут применены дисциплинарные меры*», в котором угроза оформлена в обезличенной форме и лишена эмоциональной окраски. В узбекском дискурсе аналогичную функцию выполняет высказывание «*Qoidani yana buzsangiz, chora ko 'riladi*» («Если снова нарушите правило, будут приняты меры»). В обоих случаях директивная сила угрозы обеспечивается не столько языковой формой, сколько институциональным статусом говорящего и нормативной силой правил.

Сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что в русском дискурсе речевые акты угрозы в целом характеризуются большей степенью эксплицитности, прямоты и ориентации на индивидуальную ответственность адресата. Узбекский дискурс, напротив, демонстрирует преобладание имплицитных и контекстуально обусловленных форм угрозы, часто реализуемых через социальные нормы, иерархические отношения и коллективные ценности. Эти различия отражают особенности коммуникативных стратегий и моделей речевого поведения, характерных для сопоставляемых лингвокультур.

Таким образом, речевые акты угрозы в русском и узбекском дискурсе выступают универсальным средством директивного воздействия, однако реализуются посредством различных прагматических механизмов. Учёт лингвокультурной специфики, дискурсивного контекста и статусных отношений между коммуникантами позволяет глубже понять природу угрозы как речевого акта и расширяет возможности сопоставительного анализа директивных средств языка. Полученные результаты представляют интерес для дальнейших исследований в области прагмалингвистики, дискурс-анализа и межкультурной коммуникации и могут быть использованы в практике преподавания русского и узбекского языков, а также в изучении коммуникативного поведения в многоязычной среде.

Список литературы:

1. Остин Дж.Л. Как совершать действия при помощи слов. – М.: Прогресс, 1986. – 328 с.

2. Серль Дж. Речевые акты: Очерк философии языка. – М.: Прогресс, 1986. – 256 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая прагматика. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 640 с.